

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ ХОТЕЛИ СТЕРЕТЬ.
ПРАВДА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПОХОРОНИТЬ.



АКВИЛЕЯ



ИМПЕРИЯ АСТУРУМОВ

Лия Шафер

Лия Шафер

Аквилея

«Автор»

2026

Шафер Л.

Аквилея / Л. Шафер — «Автор», 2026

В поисках последней зацепки Хелена Верид приезжает в старый гостевой дом «Алый Лотос». Она надеется найти ответы, способные очистить имя её покойного отца, но вместо этого встречает Лукаса — юношу, который не помнит своего детства и никогда прежде не пытался узнать, кем был до того, как оказался в Аквилее. Их встреча могла бы остаться случайностью, если бы след, за которым Хелена шла много лет, не привёл именно к нему. Теперь им предстоит вместе пройти по забытым дорогам империи, собирая обрывки чужих воспоминаний и историй, которые слишком долго считались законченными. Для Хелены это шанс наконец узнать, что случилось много лет назад. Для Лукаса — впервые задать вопросы о собственном прошлом. Но чем ближе они подбираются к ответам, тем очевиднее становится: некоторые тайны сохранились не потому, что о них забыли. Кто-то очень хотел, чтобы их никогда не вспомнили. Некоторые двери лучше не открывать. Но самые важные истории всегда начинаются именно с этого.

© Шафер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Чужая тень	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лия Шафер

Аквилея

Глава 1 Чужая тень

Лукас ненавидел покупать фрукты по утрам.

Не сами фрукты, конечно. В фруктах не было ничего дурного, если не считать того, что они слишком быстро портились и слишком дорого стоили. Проблема была в рынке. По утрам рынок Аквилеи жил своей самой шумной, жадной и беспокойной жизнью, а Лукас не любил места, где приходилось одновременно следить за кошельком, списком покупок и лицами людей вокруг.

К тому часу, когда он добрался до форума, площадь уже была полна. До Открытия вод оставалось три дня. Праздник отмечал день, когда, по преданию, море впервые расступилось перед первыми поселенцами Аквилеи и пустило их основать город на своих берегах, — считалось, что в эти сутки вода особенно охотно принимает то, что ей доверяют: письма к умершим, обещания, детские желания, свёрнутые в бумажные лодочки. Над навесами протянули синие праздничные ленты, но теперь их перевивали чёрными: после смерти императора Тиберия город соблюдал объявленный на сто двадцать дней официальный траур, и праздник, который никто не решился отменить, обещал быть тише обычного. Даже музыканты у северной арки играли вполголоса. Под плотными навесами торговцы раскладывали ткани, посуду, масла, сладости и плоды, привезённые с южных островов. Между рядами проталкивались слуги богатых домов, моряки, ремесленники, праздные горожане и приезжие, которые ещё не научились отличать честную цену от цены для чужестранца. Воздух был густым от запахов: соли, пыли, свежего хлеба, раздавленных трав, вина, рыбы и нагретого солнцем камня. Аквилея всегда пахла сразу всем, как будто весь мир свозили сюда бочками и корзинами, а потом забывали проветрить.

Лукас остановился у края площади и поправил ремешок сумки на плече. Старый перелом левой ключицы отозвался тупой болью — сырой морской воздух напоминал о нём вернее любого лекаря. Внутри лежал список, несколько свёрнутых счетов и кошелёк с деньгами дома. Не его деньгами. Это было важное различие, о котором он никогда не забывал. Свои деньги он мог потерять, глупо потратить или пересчитать трижды перед сном, чтобы убедиться, что до конца месяца хватит. Деньги Петры требовали другого обращения. За них нужно было отвечать.

Он провёл большим пальцем по застёжке кошелька и мысленно повторил список. Фрукты для вечерних гостей, две амфоры масла, нитки, дешёвая ткань для починки простыней и чернила, если удастся найти не слишком дорогие. Чернила Петра не писала в списке, но Лукас знал, что именно их отсутствие она заметит в первую очередь. В доме могли закончиться финики, мёд или чистые ленты для волос, и это вызвало бы недовольство. Но если вечером нечем будет сводить счета, недовольство превратится в долгий разговор. А долгих разговоров с Петрой Лукас старался избегать.

Он не боялся её. По крайней мере, давно уже не так, как в первые годы. Петра не била своих людей, не продавала их и не позволяла клиентам думать, будто за деньги можно купить всё. За это её в доме уважали, а некоторые даже любили, хотя вслух подобные вещи почти никто не говорил. Но Петра помнила каждую ошибку, каждую лишнюю монету, каждую невыполненную просьбу. У неё была память человека, который построил свою жизнь не на доверии, а на точных расчётах.

Лукас понимал это лучше многих.

Его собственная жизнь тоже держалась на расчётах. Сколько осталось выплатить по договору опеки-долга. Сколько удастся отложить в этом месяце. Сколько стоит новое платье для Марции, если старое уже нельзя перешить без смеха. Сколько времени займёт дорога через рынок, если не останавливаться у книжных рядов. Сколько слов можно сказать торговцу, чтобы добиться скидки, но не привлечь лишнего внимания. Последний пункт был особенно важен.

Аквилея была городом, где можно было исчезнуть среди толпы, если умел не выделяться. Это знали все, кто хоть раз приезжал сюда без имени, денег или защиты. Порт принимал чужаков охотнее, чем столица, но и забывал о них быстрее. Каждый день корабли привозили новых людей, и каждый день кто-то терялся в портовых кварталах, в дешёвых ночлежках, в домах вроде «Алого Лотоса» или просто в долгах, из которых уже не выбирались. Лукас не любил думать о том, как легко мог стать одним из них.

Фруктовые ряды находились ближе к южной стороне форума, там, где навесы были натянуты ниже, чтобы солнце не портило товар. Лукас пошёл туда не спеша, лавируя между людьми и стараясь держаться там, где поток толпы был плотнее. В толпе легче было избежать взглядов стражников, попрошайек, бывших знакомых и тех, кто любил задавать вопросы. Впрочем, бывших знакомых у него почти не осталось, а тех, кто знал его настоящего, не было вовсе. Или он так привык думать.

У первой фруктовой палатки он остановился только на мгновение. Груши лежали красиво, слишком красиво, а значит, нижний слой наверняка был мягким или битым. У второй продавец сразу назвал цену, от которой Лукас молча развернулся. Торговец окликнул его, сбавил четверть, потом ещё немного, но Лукас не вернулся. Иногда лучший торг состоял в том, чтобы уйти достаточно уверенно. У третьей палатки он задержался. Плоды были свежими, корзины стояли открыто, и продавец не пытался слишком поспешно отвлечь его разговором. Это уже было хорошим знаком. Лукас присел, взял гранат и внимательно осмотрел кожуру. Тяжёлый. Без трещин. Спелый. Он отложил его в сторону и не торопясь проверил ещё несколько, потому что спешка на рынке почти всегда стоила денег.

— Для дома берёшь? — спросил торговец.

Лукас поднял взгляд. Мужчина был ему незнаком, но поговору явно не местный. Скорее всего, прибыл с последним южным караваном или купил место у прежнего продавца.

— Для дома, — ответил Лукас спокойно.

— Богатый дом?

— Дом, где считают деньги.

Торговец усмехнулся, но цену назвал осторожнее, чем мог бы. Лукас заметил это и не стал давить слишком сильно. Ему нужна была скидка, а не враг на рынке. Он выбрал гранаты, немного груш и несколько гроздей винограда.

Когда он уже собирался расплатиться, по площади прошёл странный шум. Не крик и не ссора. Скорее перемена в общем гуле, почти незаметная для тех, кто не привык слушать толпу. Несколько человек обернулись к центральному фонтану. Кто-то хмыкнул, кто-то нервно засмеялся, а одна женщина рядом с палаткой быстро перекрестила пальцы у груди старым жестом, который официально уже давно считался суеверием.

Лукас не сразу повернул голову. Сначала он отсчитал монеты, дождался, пока торговец уложит фрукты, и только потом посмотрел туда, куда смотрели остальные.

У фонтана собралась небольшая толпа. На рынке это само по себе ничего не значило. Люди в Аквилее собирались вокруг всего: драки, красивой ткани, уличного певца, пьяного моряка или редкой птицы в клетке. Но в этот раз в толпе было другое напряжение. Не веселье и не простое любопытство, а беспокойное ожидание, с которым люди слушают вещи, в которые не хотят верить, но всё равно боятся пропустить.

Лукас взял корзину и пошёл медленнее. Он не собирался останавливаться. У него были поручения, время и чужие деньги в сумке. Но путь к масляным рядам проходил мимо фонтана, и он позволил себе посмотреть.

На низком борту фонтана стоял худой человек в тёмно-зелёной тунике. Перед ним, сжав ладонь в кулак, замерла женщина, а между её пальцами тускло блестела медная монета. Человек говорил тихо, и всё же слушали его внимательнее, чем любого рыночного зазывалу. Слово «память» он произнёс только однажды, но этого оказалось достаточно.

— Не ищите лица, — сказал он женщине. — Вспомните запах. Или звук. То, что было раньше слов. Женщина закрыла глаза, и её губы дрогнули. Несколько мгновений ничего не происходило, потом она едва слышно прошептала: — Яблоки. Мокрая шерсть. Мама поёт у окна. — Она раскрыла ладонь и уставилась на обычную монету так, словно та только что заговорила.

Лукас остановился у края толпы, но не подошёл ближе. Ему не нравились такие представления. Не потому, что он особенно уважал имперские запреты, а потому, что знал: когда на рынке показывают запрещённую магию, неприятности обычно достаются не только тому, кто её творил, но и всем, кто стоял рядом. И всё же обещание вернуть хотя бы один потерянный звук удержало его на месте дольше, чем следовало.

Резкий свист стражника прорезал гул площади.

— Разойтись! Именем имперского закона!

Толпа качнулась сразу во все стороны. Кто-то толкнул Лукаса в спину, корзина ударилась о бедро, а прямо у его ног оказался мальчик, сбитый с ног общим напором. Лукас успел схватить его за ворот и прижать к каменному борту фонтана, пока над головой проносились локти и корзины. Затем передал ребёнка перепуганной женщине, которая звала его по имени.

Стражники уже пробивались к магу. Лукас не вмешался и не стал смотреть, чем закончится задержание. Он выбрался из толпы, проверил кошелек и заставил себя идти дальше. За спиной звякнул металл, а впереди торговцы торопливо поправляли товар, сбитый бегущими людьми.

Он сделал несколько шагов, но взгляд всё же зацепился за край прилавка под соседним навесом. Среди дешёвых украшений лежала небольшая серебряная вещица, почти скрытая под цепочками и потемневшими кольцами. Она не блестела так ярко, как остальные, не была украшена камнями и выглядела скорее старой, чем ценной. Лукас не понял, почему заметил её. Может быть, из-за формы. Может быть, из-за тусклого серебра. А может быть, из-за странного ощущения, будто кто-то окликнул его по имени, хотя никто не произнёс ни звука. Он подошёл ближе. Это была брошь в форме ласточки с расправленными крыльями. Работа казалась тонкой, но простой: каждое пёрышко было вырезано отдельно, а герба или клейма на серебре не было. Лукас протянул руку, и бледный старый ожог на внутренней стороне запястья коснулся холодного металла. В тот же миг шум рынка стремительно отдалился, словно его накрыли тяжёлым колоколом. Голоса превратились в невнятный гул, а палящее солнце Аквилеи перестало греть. Реальность треснула. Вместо серого камня форума — белый двор, залитый солнечным светом. Мужская рука бережно поправляет такую же серебряную птицу на детской одежде. Ни лица, ни голоса — только этот спокойный жест и внезапное, безусловное чувство безопасности, будто рядом не могло случиться ничего дурного. Затем всё исчезло.

Кто-то с силой задел его плечом, и морок разбился. Лукас вздрогнул, хватая ртом горячий, пропитанный пылью воздух. Рынок обрушился на него всей своей тяжестью: крики зазывал, вонь рыбы, грохот тележных колес.

Он стоял, тяжело дыша, и не мог заставить себя разжать кулак. Серебряная птица в его ладони была ледяной — не просто холодной от тени, а мертвенно-студеной, словно она только что пролежала вечность в глубоком колодце, куда никогда не заглядывало солнце.

— Приглянулась? — спросил торговец уже другим тоном.

Не громким, не театральным. Почти обычным.

Лукас убрал руку.

— Просто посмотрел.

— Старая вещь. Никому не нужная, пока кто-нибудь не решит, что узнаёт её.

— Откуда она?

Торговец пожал плечами. — Из смешанной партии. Чьё-то распроданное имущество, какой-то старый склад — я взял серебро вместе с остальным товаром.

Ответ звучал достаточно буднично, чтобы оказаться правдой. Торговец явно не знал о вещи ничего такого, что могло бы объяснить реакцию Лукаса.

Лукас снова посмотрел на брошь и почувствовал раздражение. Не на торговца. На себя. На то, что остановился. На то, что позволил какой-то старой безделушке выбить себя из привычного порядка. У него и без того хватало воспоминаний, которые появлялись не вовремя и ничего не объясняли. Обрывки. Свет. Голоса. Чьё-то лицо, которое исчезало раньше, чем он успевал его узнать. Память открывала дверь на мгновение, показывала кусок чужой, невозможной жизни и снова захлопывалась. Лукас давно перестал пытаться понять, что из этого было правдой.

— Сколько? — спросил он прежде, чем успел остановить себя.

— Два денария.

Слишком много. Не безумно много, но достаточно, чтобы покупка стала глупостью. За два денария можно было взять масло дешевле, добавить к заказу простую ткань или купить чернила, если хорошо поторговаться. За два денария не покупали старые броши только потому, что от них на секунду стало трудно дышать.

— Нет, — сказал Лукас и отступил.

Торговец не стал его удерживать. Это почему-то раздражало ещё сильнее. Лукас поправил корзину, проверил сумку и пошёл дальше, заставляя себя не оборачиваться.

Лукас успел пройти почти до масляных рядов, когда впереди, между навесами, заметил незнакомого мужчину. На первый взгляд в нём не было ничего особенного: светлый дорожный плащ, ставший серым от пыли, тёмные волосы, спокойная осанка. Таких приезжих рынок видел десятками каждый день. Но что-то заставило Лукаса замедлить шаг. Мужчина не торговался, не рассматривал товары и никуда не спешил. Он просто стоял среди движущейся толпы и наблюдал. На мгновение их взгляды встретились. Незнакомец не выглядел опасным; неприятной была точность его внимания, слишком сосредоточенного для праздного прохожего.

Лукас не сразу пошёл к масляным рядам. Сначала свернул к тканям, затем прошёл между палатками с пряностями и вышел через узкий проход за скамьёй красильщика. Незнакомец не последовал за ним открыто. Но, когда Лукас добрался до масла, светлый плащ снова мелькнул в дальнем конце ряда. Возможно, совпадение. Возможно, старая привычка искать опасность там, где её ещё не было. Лукас запомнил лицо, походку и то, как мужчина держал голову, а затем перехватил корзину поудобнее и направился дальше.

К тому моменту, когда все поручения были выполнены, солнце успело подняться высоко над городом. Форум по-прежнему шумел, но утренняя суeta постепенно сменилась привычным дневным гулом. Торговцы уже не зазывали покупателей с прежним энтузиазмом, а покупатели перестали делать вид, будто собираются обойти весь рынок перед покупкой.

Лукас остановился возле фонтана, чтобы ещё раз свериться со списком. Фрукты, масло, нитки и чернила занимали своё место в сумке. Цифры сходились. Монеты тоже. Только после этого он позволил себе выдохнуть. День ещё не закончился, но хотя бы первая его половина прошла без неприятностей. Или почти без них.

Мысль о странной броши и незнакомце с рынка всё ещё не давала покоя. Впрочем, Лукас давно привык не цепляться за подобные вещи. В Аквилее каждый день происходило что-то странное. Если задумываться обо всём, можно было быстро лишиться рассудка.

Он покинул форум и свернул на улицу, ведущую к западной части города.

По мере того как богатые кварталы оставались позади, дома становились ниже, а улицы уже. Здесь почти не встречались мраморные фасады и дорогие экипажи. Вместо них были мастерские ремесленников, небольшие таверны, прачечные и жилые дома, в которых на одном этаже могло проживать сразу несколько семей.

Лукас знал этот район лучше собственного лица. Когда-то он ненавидел эти улицы. Теперь они казались ему родными.

Возле пекарни его окликнула пожилая женщина, продававшая цветы. Он помог ей поднять перевернувшуюся корзину. На следующем перекрёстке пришлось уступить дорогу телеге с бочками вина. Чуть дальше его узнал старый сапожник и потребовал рассказать, чем закончилась книга, которую Лукас читал несколько дней назад прямо возле его мастерской. Подобные разговоры отнимали время, но почему-то никогда не раздражали. Аквилея была огромным городом. Однако иногда она удивительным образом превращалась в небольшую деревню, где все знали друг друга хотя бы в лицо. Наконец впереди показалось знакомое здание.

Трёхэтажный дом из светлого камня стоял немного в стороне от главной улицы. Его широкие окна были закрыты резными деревянными ставнями, а над входом покачивалась вывеска с изображением красного цветка, притушенная сегодня отрезом чёрной ткани, наброшенным по случаю траура. «Алый Лотос». Впервые увидев его много лет назад, Лукас ожидал чего-то другого. Больше роскоши. Больше блеска. Больше разврата, о котором шептались на улицах. Вместо этого он обнаружил обычный дом. Большой, красивый и хорошо ухоженный. Но всё же дом. Его дом. От этой мысли Лукасу каждый раз становилось немного неловко. Он никогда не забывал, кому принадлежит здание и почему именно оказался здесь. Даже спустя годы. Особенно спустя годы.

Толкнув дверь плечом, он вошёл внутрь. В доме было непривычно тихо. Большинство гостей давно разошлись, а до вечера оставалось ещё несколько часов. Где-то наверху слышались голоса девушек, на кухне звенела посуда, а из дальней комнаты доносился чей-то смех.

Он едва успел поставить корзину на стол, как по коридору к нему быстрым шагом подошла Ливия. В руках она держала раскрытую книгу, а выражение лица у неё было таким серьёзным, будто в доме произошло несчастье.

— Наконец-то, — заявила Ливия, преграждая ему путь и потрясая затрепанным томиком. — Ты должен нас рассудить.

Лукас перехватил тяжелую корзину и обреченно вздохнул:

— Если это снова про финал «Песен песков», то я на стороне автора. Он хотя бы закончил эту историю.

— Автор — садист! — Ливия вскинула руки. — Главный герой не должен был умирать на последней странице ради «высшего блага». Это просто глупо!

— Это благородно, — отрезала Марция, появляясь из-за спины подруги с охапкой чистых полотенец. — Он спас город!

— Он спас город, в котором его всё равно некому ждать! — не унималась Ливия. — Лукас, скажи ей!

Лукас молча смотрел на них, и на мгновение перед глазами вспыхнул белый камень из утреннего воспоминания — и мужская рука, поправляющая серебряную птицу. Ему было всё равно, кто выжил в сказке, когда его собственная реальность начала давать трещины.

— Иногда выхода действительно нет, Ливия, — произнес он тише, чем собирался. — И благородство тут ни при чем.

Через несколько секунд рядом появились ещё две девушки. Одна принялась пересказывать последние главы, другая немедленно перебила её и начала доказывать собственную версию событий. Кто-то вспомнил финал, за что тут же получил возмущённые возгласы со всех сторон. Лукас слушал их вполуха, раскладывая покупки. Именно в такие моменты он иногда забывал, что находится в публичном доме. Шум. Смех. Споры о книгах. Обычные люди, слишком долго живущие рядом друг с другом. Иногда ему казалось, что всё это больше похоже на большую странную семью, чем на место, о котором шепталась половина Аквилеи. Почти семью. Почти. Потому что в конце каждого месяца Петра приносила ему книгу учёта, и отдельная строка с остатком договора опеки-долга быстро возвращала его к реальности. С каждым годом сумма становилась меньше, но всё ещё оставалась достаточно большой, чтобы напоминать: его свобода до сих пор имела цену.

— Если вы окружили его ещё плотнее, чем в прошлый раз, значит, он опять принёс книгу.

Голос Петры раздался раньше, чем кто-либо успел ответить. Разговоры мгновенно стихли. Не потому, что кто-то испугался. Просто все автоматически обернулись к лестнице.

Петра медленно спускалась со второго этажа. Тёмное платье подчёркивало её высокий рост и статную фигуру, а тяжёлые золотые украшения поблёскивали в свете ламп при каждом движении. Густые чёрные волосы были собраны в сложную причёску, открывая лицо с тёмной кожей, доставшейся ей от предков из южных земель. Ей давно перевалило за сорок, но Лукас иногда забывал об этом. Петра принадлежала к редкому типу людей, рядом с которыми возраст становился почти неважен. Большинство замечали прежде всего её уверенность — спокойную, почти непринуждённую власть человека, привыкшего принимать решения и нести за них ответственность. Украшения на её руках и шее никогда не выглядели попыткой похвастаться богатством. Скорее напоминанием всем вокруг о том, чего ей стоило занять своё место в этом городе. Лукас иногда думал, что если бы Петра решила управлять не «Алым Лотосом», а всей Аквилеей, жители подчинились бы ей быстрее, чем любому чиновнику.

— Я ещё ничего не принёс, — сказал он.

— Значит, опять потратил деньги впустую.

— Книги — это не впустую.

— Так говорят все люди, которые тратят на них слишком много денег.

Девушки тихо захихикали. Остановившись возле стола, она внимательно осмотрела корзины.

— Фрукты проверил?

— Конечно.

— Груши осмотрел?

— Да.

— Чернила купил?

— Да.

— Хорошие?

— Настолько хорошие, насколько позволила сумма.

Петра задумчиво кивнула.

— Значит, придётся проверить самой.

Лукас вздохнул. Петра удовлетворённо кивнула, словно именно этого ответа и ждала. Она уже изучала записи в списке. Её взгляд быстро скользил по цифрам. Лукас давно заметил, что она умудряется находить ошибки быстрее, чем большинство людей успевает их совершить. Наконец она кивнула.

— Всё сходится.

Это была похвала. По крайней мере по меркам Петры.

— Я польщён.

— Не привыкай.

На этот раз даже Петра едва заметно улыбнулась. Однако улыбка исчезла почти сразу. Петра снова посмотрела на Лукаса, и что-то в ее взгляде заставило его насторожиться. Она словно хотела сказать больше, чем собиралась.

— Когда закончишь здесь, зайди ко мне через час.

Лукас выпрямился.

— Что-то случилось?

— А должно?

— Обычно ты не зовёшь меня просто так.

Петра выдержала короткую паузу.

— Верно. Поэтому зайди.

Не добавив больше ни слова, она развернулась и направилась обратно к лестнице. Лукас проводил её взглядом. Петра редко вызывала его без причины. А ещё реже делала это таким тоном. Неприятное чувство, появившееся еще утром на рынке, снова шевельнулось где-то внутри. Он раздраженно тряхнул головой.

Когда девушки наконец разошлись по своим делам, Лукас собрал оставшиеся на столе записи и поднялся на второй этаж. До разговора с Петрой еще оставалось время, а он давно понял, что спешить к ней раньше срока бессмысленно. Если хозяйка дома сказала прийти через час, значит через час. Не раньше и не позже.

Коридоры «Алого Лотоса» в это время суток были почти пустыми. Вечерние гости появятся позже, а пока дом жил своей обычной жизнью. Из одной комнаты доносилась музыка, где-то спорили из-за нового платья, а из кухни тянуло запахом свежего хлеба и пряностей. Эти звуки давно стали частью его повседневности, настолько привычной, что порой он переставал их замечать.

Лукас вошёл в небольшую кладовую рядом со своим кабинетом и положил на стол стопку бумаг. Комната была тесной, но именно здесь он чувствовал себя спокойнее всего. Полки занимали почти всю стену. На них стояли счётные книги, свитки, старые записи, несколько десятков книг, собранных за последние годы. Некоторые он покупал сам, некоторые выменивал у торговцев, а несколько когда-то появились здесь благодаря Петре, хотя она потом долго утверждала, что просто избавлялась от ненужного хлама. Он достал тонкую книгу с собственным счётом и неожиданно вспомнил день, когда впервые увидел Петру.

То воспоминание не было похоже на утренний обрывок. Его Лукас помнил ясно: тесная контора долгового двора, запах мокрой шерсти и чернил, сухой голос писца. Петра в тёмно-красном платье дважды переспросила сумму, прежде чем принять сложенный договор. Под печатью значилось, что право опеки и долг переходят к ней; слова были законными и обычными, но в десять лет Лукас понимал только одно — дверь за его спиной закрылась и возвращаться туда не придётся. Петра убрала документы и сказала:

— Поднимайся, мальчик.

Это были первые слова Петры, которые он услышал после того, как писец подтвердил переход договора. В них не было ни жалости, ни обещаний, ни попытки его успокоить. Лишь деловой тон человека, который принял на себя обязательство и уже решил, что будет дальше. Тогда Лукас не знал, что эта женщина изменит всю его жизнь. Честно говоря, в тот момент он вообще не был уверен, что у него ещё будет какая-то жизнь.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть и вернуться в настоящее.

На пороге стояла Марция. Она прислонилась плечом к косяку и с привычным любопытством разглядывала его.

— Опять задумался? — спросила она.

Лукас усмехнулся и опустил на край стула.

— Иногда мне кажется, что это входит в мои обязанности.

— Очень сомнительная обязанность.

Она вошла в комнату, устроилась на краю стола и с довольным видом скрестила руки на груди. За окном постепенно темнело, а последние лучи солнца скользили по крышам соседних домов, а где-то внизу уже начали двигать столы и готовить зал к вечернему приему гостей.

Некоторое время они молчали. Марция лениво листала лежавшую рядом книгу, а Лукас разбирал бумаги на столе. Тишина между ними никогда не казалась неловкой. За десять лет они слишком привыкли друг к другу.

— Знаешь о чем я недавно подумала? — неожиданно спросила Марция.

— Это уже звучит опасно.

— Очень смешно.

Она закрыла книгу и посмотрела на него поверх потертой обложки.

— Ты почти выплатил долг.

Лукас усмехнулся.

— До этого ещё далеко.

Марция покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она закрыла книгу и поднялась со стола.

— Если честно, меня сейчас больше волнует судьба этого несчастного героя, чем твои долги.

— Очень лестно.

— Просто ты слишком предсказуемый.

Она направилась к двери, но у самого порога вдруг остановилась и обернулась.

— Хотя знаешь... когда всё закончится, постарайся хотя бы пару дней ничего не делать.

— Это совет?

— Нет. Предупреждение. Люди вроде тебя без работы становятся совершенно невыносимыми.

Лукас усмехнулся.

Марция ответила ему довольной улыбкой и наконец исчезла за дверью.

Некоторое время он сидел в тишине, прислушиваясь к шуму дома. Где-то внизу уже двигали столы, на кухне звенела посуда, а музыканты начинали настраивать инструменты перед вечерним приёмом гостей.

Пора было возвращаться к делам.

Через несколько минут Лукас всё же поднялся из-за стола. Разговор с Марцией почему-то не выходил из головы. Обычно подобные разговоры заканчивались шутками и быстро забывались, но сегодня её слова продолжали возвращаться снова и снова. Возможно, дело было в усталости. А возможно, некоторые вопросы слишком долго оставались без ответа.

Вечер в «Алом Лотосе» всегда начинался задолго до появления первых гостей. Официальный траур не закрыл дом, но заставил его говорить тише: музыканты убрали из программы самые шумные мелодии, а яркие цветы со столов сменили сдержанные ветви мирта. Пока посетители только собирались на встречи и ужины, внутри уже кипела работа. Лукас быстро прошёлся по этажам, проверяя, всё ли готово к открытию. На кухне спорили из-за какого-то рецепта, в одной из комнат пришлось заменить треснувший подсвечник, а на втором этаже служанка пожаловалась на заедающий замок.

Когда он уже собирался спуститься вниз, из одной из комнат выглянула Ливия.

— Лукас, если ты сейчас пройдёшь мимо, я решу, что ты меня избегаешь.

Ливия выглянула из своей комнаты, наполовину зятанутая в шелк. Она выглядела раздраженной, но за этим скрывалась привычная потребность в его внимании.

— Ты специально караулишь у двери? — спросил он, заходя внутрь.

— Конечно. Потому что остальные затягивают шнуровку так, будто хотят выдавить из меня дух. А мне нужно дышать, Лукас. Хотя бы иногда.

Он подошел к ней и привычными движениями принялся за ленты. Ливия внимательно наблюдала за ним через зеркало.

— Ты сегодня сам на себя не похож, — вдруг сказала она. — Руки холодные. И глаза... ты словно смотришь не на меня, а сквозь стену.

Лукас машинально поднял взгляд на отражение. Тёмные волосы снова начали падать на лоб, хотя он уже который месяц собирался подстричься. Серо-голубые глаза казались уставшими после долгого дня, а рубашка успела помяться ещё на рынке. Петра иногда говорила, что в восемнадцать лет люди должны выглядеть беззаботнее, но Лукас подозревал, что она просто плохо помнит себя в этом возрасте.

— Просто долгий день на рынке. Шум, жара.

— Не ври мне. Рынок ты ненавидишь каждое утро, но от этого у тебя не появляется такой взгляд, будто ты увидел привидение.

Лукас затянул узел чуть крепче, чем следовало. Ливия охнула и обернулась, поймав его за запястье.

— Что случилось там, на форуме?

— Ничего, что стоило бы твоего внимания, — он мягко высвободил руку. — Иди, гости скоро будут. Петра не любит, когда опаздывают.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Ливия жила в доме достаточно долго, чтобы замечать подобные вещи. К счастью, она была одной из немногих, кто умел вовремя остановиться и не задавать лишних вопросов.

Когда Лукас снова оказался в коридоре, музыка внизу стала громче, хотя по меркам обычного вечера всё ещё звучала приглушённо. Он подошёл к окну и на несколько секунд задержал взгляд на вечерней Аквилее. Вдалеке мерцали огни порта, над крышами домов поднимался дым, а за городской стеной уже почти невозможно было различить линию моря. На балконах синие праздничные ленты соседствовали с чёрными траурными полосами. Город выглядел спокойным и почти красивым, хотя Лукас слишком хорошо знал, сколько бедности, долгов и отчаяния скрывается за этим видом. Внизу слуга помогал выйти из кареты богато одетой женщине. Чуть дальше остановилась ещё одна повозка. Обычное начало вечера. Ничего необычного. И всё же тревога, поселившаяся где-то внутри ещё утром, никак не желала исчезать.

Именно в этот момент одна из служанок поднялась по лестнице и, заметив его, сразу направилась в его сторону.

— Лукас, Петра ждет тебя у себя.

Он коротко кивнул и направился к лестнице, ведущей на третий этаж.

Кабинет Петры находился на третьем этаже, в самой тихой части дома. Здесь редко появлялись гости и почти никогда не поднимались девушки без необходимости. Даже шум, который по вечерам наполнял весь «Алый лотос», здесь становился приглушенным и далеким, словно оставался за невидимой стеной. Подойдя к двери, Лукас привычно постучал и, услышав разрешение войти, открыл ее. Петра сидела за своим столом у окна. Перед ней лежали раскрытые книги учёта и несколько свитков, которые она внимательно просматривала. За годы комната почти не изменилась. Менялась мебель, появлялись новые ковры и картины, но ощущение порядка оставалось прежним. Все здесь находилось на своих местах, словно хаос не имел права переступить порог этого кабинета.

Петра подняла голову от бумаг и указала на свободный стул напротив.

— Садись.

Лукас молча устроился за столом. Он давно привык к тому, что разговоры с Петрой редко начинались сразу с главного. Иногда она могла несколько минут заниматься своими делами, прежде чем переходила к настоящей причине встречи. Так произошло и сейчас. Некоторое время в кабинете стояла тишина. За окном окончательно стемнело, и в стекле отражался свет

лампы. Петра перелистнула еще несколько страниц, сделала пометку на полях и только после этого, отложив документ в сторону, подняла взгляд.

— Ты задержался на рынке, — она не спрашивала, а констатировала факт. Голос её был сухим, как старый пергамент. — И дело не во фруктах. Я видела твою корзину, Лукас. Ты выбирал их в спешке, чего обычно себе не позволяешь.

Это прозвучало спокойно, но Лукас сразу понял, что дело в рынке.

— Немного.

— Что случилось?

Лукас пожал плечами.

— Ничего особенного.

Петра посмотрела на него долгим взглядом.

— Лукас.

Он невольно усмехнулся. За десять лет он слишком хорошо выучил этот тон.

— Хорошо. У фонтана был человек. Маг памяти. Он дал женщине монету, и она вспомнила то, чего не могла помнить без его помощи. Потом появились стражники.

Петра замерла. Перо в её руке на мгновение зависло над книгой, оставив жирную чернильную кляксу на полях. Она не подняла взгляда, но Лукас заметил, как напряглись её плечи.

— Магия памяти запрещена, — отрезала она слишком быстро. — И опасна не только для тех, кто хочет закончить жизнь в имперской темнице.

— Об этом успела услышать половина Аквилеи.

— И что сделал ты?

Лукас замолчал на мгновение. Ему самому до сих пор казалось глупым то, что произошло.

— Ничего. Ушёл от фонтана и остановился у соседнего продавца украшений. Среди его товара была старая серебряная брошь. Обычная безделушка. Но когда я к ней прикоснулся...

Он замялся, подбирая слова.

— Мне показалось, будто я что-то вспомнил.

Петра наконец подняла голову. Её глаза, обычно непроницаемые, сейчас казались тёмными провалами. Она медленно отложила перо и сцепила пальцы в замок так крепко, что костяшки побелели. В кабинете стало так тихо, что было слышно, как бьётся мотылёк об оконное стекло.

— Что именно ты увидел? — спросила она спустя несколько секунд.

Лукас раздраженно провел рукой по волосам.

— В том-то и проблема, что почти ничего. Всё длилось несколько мгновений. Мне показалось, будто я стою в каком-то дворе. Помню белый камень, солнечный свет и мужскую руку, которая поправляла такую же брошь на одежде ребёнка. Лица я не увидел, голоса не услышал. Только почему-то знал, что рядом с этим человеком мне ничего не угрожает. А потом всё исчезло.

Он покачал головой и невесело усмехнулся.

— Я не сказал, что узнал её. Я сказал, что мне показалось. Иногда память словно специально издевается надо мной: показывает ровно столько, чтобы я заинтересовался, а потом снова оставляет ни с чем.

Петра задумчиво постучала пальцами по столу.

— И давно такого не было?

— Несколько месяцев. Раньше подобное случалось чаще, но никогда не приводило ни к чему полезному.

Лукас отвел взгляд к окну. За стеклом мерцали огни вечерней Аквилеи, а где-то далеко слышалась музыка из главного зала.

— Обычно это всегда выглядит одинаково. Какие-то обрывки. Случайные звуки. Лица, которые я не успеваю разглядеть. Иногда мне кажется, что все это вообще не имеет отношения ко мне.

— И все же имеет.

Голос Петры прозвучал спокойно, но настолько уверенно, что Лукас невольно поднял голову.

— Это не чужая жизнь, Лукас. Но это жизнь мертвеца, — её голос опустился до шепота, в котором звенела сталь. — Ты можешь пытаться воскресить её по кусочкам, но помни: то, что долго пролежало в земле, всегда возвращается с запахом гнили. Не ищи там правду. Там её нет. Только кости.

Некоторое время они молчали. С нижних этажей дома донёсся короткий взрыв смеха, затем хлопнула дверь и снова заиграла приглушённая музыка. Эти звуки казались удивительно далёкими по сравнению с разговором, который происходил сейчас в кабинете. Петра внимательно посмотрела на него и неожиданно спросила:

— Ты все еще пытаешься найти ответы?

Лукас усмехнулся.

— Разве это преступление?

— Нет. Но иногда мне кажется, что ты настолько сосредоточен на прошлом, что перестал замечать настоящее.

Лукас нахмурился, собираясь возразить, но Петра продолжила прежде, чем он успел что-либо сказать.

— Ты ищешь ответы уже много лет. И я не виню тебя за это. Просто иногда мне кажется, что однажды ты найдёшь их и поймёшь, что всё это время жил совсем не ради них.

Лукас сразу вспомнил разговор с Марцией. Слова были другими, но смысл оказался удивительно похожим.

— Сегодня все решили объединиться против меня?

На этот раз Петра действительно улыбнулась.

— Возможно, мы просто видим одно и то же.

Улыбка быстро исчезла, и она снова стала серьезной.

— Когда договор опеки перешёл ко мне, ты каждое утро спрашивал, не приходил ли кто-нибудь за тобой. Сначала ты ждал день. Потом неделю. Потом месяц. Ты был уверен, что где-то есть люди, которые ищут тебя и обязательно придут.

Лукас опустил взгляд. Он почти не помнил того времени. В памяти сохранились лишь отдельные ощущения: страх, растерянность и бесконечное ожидание чего-то, что так и не произошло.

— Потом я перестал спрашивать.

— Потому что понял, что никто не придет.

Петра произнесла это без жалости, просто как факт.

Она некоторое время молчала, а затем продолжила уже мягче:

— Возможно, это было правильное решение. Возможно, нет. Но я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Если однажды тебе всё-таки удастся вспомнить своё прошлое, это ничего не изменит.

Лукас удивлённо посмотрел на неё.

— Что именно?

— Всё.

Петра выдержала короткую паузу.

— Кем бы ты ни оказался. Откуда бы ни пришёл. Это не изменит того, что ты стал частью этого дома. А этот дом — частью тебя. И я не позволю призракам разрушить то, что мы строили годами. Даже твоим призракам.

На несколько секунд Лукас потерял дар речи. Он привык слышать от Петры замечания, упреки и распоряжения. Привык спорить с ней из-за расходов, закупок и бесконечных счетов. Но подобных слов от нее он не слышал никогда.

Петра выдержала короткую паузу, а затем неожиданно заговорила снова:

— Кстати, ты говорил еще о каком-то человеке на рынке.

— О незнакомце?

— Да.

Лукас пожал плечами.

— Он просто стоял среди толпы. Мне показалось, что он наблюдал за мной, но я мог ошибиться.

Петра нахмурилась. Совсем слегка, однако этого оказалось достаточно, чтобы Лукас заметил перемену в ее лице.

— Если увидишь его снова, не подходи к нему.

— Почему?

Она не ответила сразу. Некоторое время Петра смотрела в окно, словно раздумывая, стоит ли вообще продолжать этот разговор.

— Опасен не плащ. Опасно то, что он смотрел, когда думал, будто ты не видишь, — сказала Петра. Она резко встала, обрывая разговор. — Если заметишь его снова, не подходи. Не ходи один, пока я не скажу, что всё спокойно. И не смей возвращаться к той лавке. Считай это приказом, Лукас.

Обычно подобный ответ вызвал бы у Лукаса новую волну вопросов. Однако сейчас он неожиданно промолчал. В голосе Петры не было привычной твёрдости человека, отдающего распоряжение. Вместо неё прозвучало что-то другое — глухое, почти осязаемое беспокойство. Лукас чувствовал: она не просто предостерегала его. Она пыталась выстроить стену между ним и тем, что он увидел. Её слова о «жизни мертвеца» не походили на философское замечание; они звучали как попытка заживо похоронить его память, пока та не успела разрушить их привычный мир. За десять лет он впервые видел, чтобы её безупречный контроль давал такую явную трещину.

Именно это встревожило его сильнее любых объяснений.

Когда разговор закончился, Лукас ещё несколько секунд сидел неподвижно. В кабинете снова воцарилась тишина. Петра вернулась к своим бумагам, словно сказала всё, что собиралась сказать этим вечером. Свет лампы отражался в стекле окна, а за дверью едва слышно шумел живущий своей жизнью дом.

В конце концов Лукас поднялся со стула. Петра лишь коротко кивнула, не отрывая взгляда от документов. За годы они давно научились понимать подобные жесты без слов.

Выйдя из кабинета, он прикрыл за собой дверь и медленно направился к лестнице. Разговор оставил после себя странное чувство. Ему казалось, что Петра сказала гораздо больше, чем прозвучало вслух. Почему её так напугала старая брошь? В её мире всё имело свою цену и логику, но в этом страхе не было логики — только желание спрятать его, объявить его прошлое «гнилью» и «костями». Это было не похоже на обычную заботу о человеке, которого она вырастила. Скорее на то, как человек в панике захлопывает ставни перед надвигающейся бурей, которую он один видит на горизонте.

Спускаясь по лестнице, Лукас слышал привычные звуки «Алого Лотоса». Где-то внизу приглушённо играли музыканты, в одной из комнат смеялись гости, а со стороны кухни доносился звон посуды. Дом жил своей обычной жизнью — лишь приглушённая музыка напоминала, что весь город ещё отсчитывает дни траура. Такой же дом, как вчера. Такой же, как неделю назад. Такой же, как все последние годы.

В главном зале было многолюдно. Слуги разносили напитки, музыканты играли что-то лёгкое и ненавязчивое, а гости разговаривали вполголоса, соблюдая хотя бы внешнюю пристойность траура. Несколько девушек заметили Лукаса и помахали ему рукой. Кто-то окликнул его по имени, кто-то попросил завтра принести новую книгу, а кто-то пожаловался на качество вина. Всё это было настолько привычным, что он отвечал почти автоматически.

Остановившись у окна возле входа, Лукас на мгновение позволил себе просто посмотреть на улицу.

Ночная Аквилея была совсем не похожа на дневную. Торговые ряды давно закрылись, а широкие улицы освещались редкими фонарями. В их свете синие ленты Открытия вод казались почти чёрными и сливались с траурными полосами. По мостовой время от времени проезжали экипажи, из таверн доносились голоса припозднившихся посетителей, а со стороны порта тянуло прохладным морским воздухом.

Некоторое время он просто наблюдал за прохожими, ни о чём особенно не думая. Мысли постепенно успокаивались, а слова Петры начинали казаться не такими важными, как несколько минут назад. Именно тогда он заметил знакомую фигуру на противоположной стороне улицы. Мужчина стоял между двумя домами, в обычном светлом плаще, запylённом после дороги. Его легко было бы принять за человека, который ждёт экипаж или знакомого. Но он не смотрел на перекрёсток и не следил за дверями соседних домов. Всё его внимание было обращено к входу в «Алый Лотос».

Лукас подался вперёд, почти касаясь лбом холодного стекла, пытаясь разглядеть лицо. В этот момент кто-то из гостей хлопнул его по плечу, требуя внимания к какому-то пустяку. Лукас дёрнулся, на мгновение потеряв улицу из виду, а когда обернулся снова, незнакомец уже шёл к перекрёстку. Не бежал и не прятался — просто уходил ровным шагом человека, который увидел достаточно. Через несколько мгновений светлый плащ исчез за углом.

Лукас ещё долго всматривался в пустую улицу, но видел лишь отблески фонарей в лужах. Слова Петры больше не казались предостережением на всякий случай. Незнакомец действительно смотрел на него — сначала на рынке, теперь у самого дома.

Лукас ещё немного постоял у окна, а затем медленно отошёл в сторону. Дом продолжал жить своей обычной жизнью. Музыка не смолкала, гости смеялись, а слуги сновали между столами с подносами в руках. Со стороны всё выглядело точно так же, как вчера, неделю назад и месяц назад.

Но слова Петры почему-то не выходили из головы.

В ту ночь сон так и не пришёл. Лукас лежал в темноте, прислушиваясь к затихающему дому, но вместо привычного покоя чувствовал лишь холод, затаившийся в ладони — там, где он держал серебряную птицу. Он попытался сделать то, что всегда помогало ему уснуть: мысленно пересчитать монеты, отложенные в счёт договора, выстроить в ряд ровные столбики цифр из долговой книги. Но числа рассыпались, не желая складываться в спасительный итог. В голове звучали слова Петры о жизни мертвеца и запахе гнили. Лукас понял, что стена, которую он так тщательно выстраивал между собой и прошлым последние десять лет, дала трещину. А человек в плаще уже знал, за каким окном искать эту трещину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.